

“меня пугает длительное бездействие”

*Газета — 2004
— 22 сент.
— с. 1, 13*

Ник Кейв — Газете

Эту неделю можно смело назвать Неделей Ника Кейва в России. На днях вышло сразу два его новых альбома, вчера Кейв дал концерт в Санкт-Петербурге, а завтра и послезавтра состоятся два его выступления в Московском театре оперетты. Сегодня в Москве легендарный музыкант отмечает свой 47-й день рождения. Все эти события с **Ником Кейвом** обсудил **Александр Зайцев**.

Ваши московские выступления заявлены как соло-перформанс. Что под этим подразумевается?

Это соло-представление, но со мной будут играть три участника Bad Seeds — Уоррен Эллис, Джим Склэванос и Мартин Пи Кэйси. Это группа, в которой мы абсолютно раскованы и можем делать все, что захотим. Она интимная: может звучать тихо, печально и в то же время может быть крайне агрессивной. Эти концерты будут сильно отличаться от прошлых концертов в России.

Ваш последний альбом испытал явное влияние старого ритм-н-блюза и соула, и также весьма отличается от предыдущего...

На самом деле это не один двойной альбом, а два разных. Один называется «Abattoir Blues», другой — «The Lyre Of Orpheus». Они совершенно разные. На «The Lyre» есть несколько очень красивых баллад, а «Abattoir Blues» гораздо агрессивнее. Я думаю, что

он дает ощущение необузданного, даже неистового госпела. На самом деле мы работали примерно таким же образом, как и над «Nocturama», — мы точно знали, чего хотим достичь. Мы приходили в студию и записывались очень-очень быстро. Музыка во многом рождалась из импровизации. Музыка неотшлифованная, прямая. И, похоже, что такой подход в настоящее время — именно то, что нам нужно. Но в этой пластинке, несомненно, есть настоящая жизнь.

Вы не раз говорили, что каждую новую пластинку делаете, желая исправить ошибки и недостатки предыдущей. Так было и на этот раз?

Все наши пластинки создаются подобным образом. Ты вспоминаешь то, что делал на прошлом альбоме, в том числе какие-то вещи, которые не стал бы делать опять. Обычно это и есть отправная точка для создания нового альбома.

► **СТР 13**

В течение двадцати лет существования Bad Seeds вам удается поддерживать невероятный темп творчества — пластинка за пластинкой почти каждый год, и ни одной неудачной. Нужна ли особая творческая дисциплина, чтобы постоянно быть способным сочинять такие песни?

Да. Мое главное правило заключается в том, что я просто должен работать. Вот такое правило. Я всегда много работаю, постоянно провожу много времени за сочинительством. Это очень важно для меня — я этим занимаюсь и всегда занимался. Меня пугает мысль о временном прекращении работы, особенно пугает длительное бездействие. Я никогда не допускал этого. Если я отвлекусь на месяц, мне потом будет очень трудно начать заново, придется пройти через весь период сомнений и неуверенности, чтобы начать снова. А если я прервусь на год, то не знаю, смогу ли вообще начать сочинять. Работа питается от самой себя, и если я постоянно работаю, то и материал постоянно приходит ко мне. И тогда я остаюсь счастливым.

То есть сам процесс сочинительства дает вам эту удивительную энергию? Совершенно верно. В течение ближайших трех месяцев у меня будет, кажется, всего четыре свободных дня. Для меня это как раз та ситуация, в которой работаете лучше всего. Непрерывность и последовательность.

Несколько лет назад вы читали лекцию на тему «Песни о любви», вели специальный курс о сочинении лирических песен. Интересовались ли вы потом успехами ваших студентов на поприще сочинительства?

Да, я поддерживаю контакт с несколькими из них. Они много чем занимаются... С одним из них я встречаюсь где-то через неделю. Он очень хороший лирик, сочиняет песни. Одну мы написали совместно. Его зовут Бернетт Тисек. Я участвовал в написании текста для его песни, которую потом исполнил... ох, черт, забыл его имя... немецкий певец... а, ладно — забыл, как его зовут (смеется). Но в любом случае я поддерживаю связь с учениками. Понимаете, это взрослые люди, не дети. Они и до моих лекций знали, как писать. Некоторые из них по-настоящему хорошие авторы.

А когда вы издали запись некоторых из этих лекций плюс несколько эссе на альбоме «The Secret Life Of A Love Song» («Тайная жизнь песни о любви»), это было попыткой повлиять на людей посредством не песен, как вы это делаете обычно, а открытого высказывания? Не хотели ли вы тем самым как-то повлиять на качество песенной лирики, которая преобладает в современной музыке?

Для того чтобы иметь возможность провести курс лекций и семинаров, я по договоренности должен был прочитать одну публичную лекцию для всех желающих. Так что я был поставлен перед необходимостью сесть и записать свои мысли на бумаге в упорядоченном виде. Это дало мне возможность выяснить, почему я пишу песни. Понимаете, я думаю, что не так много людей имеют эту возможность: они просто пишут и пишут свои песни и надеются, что будут продолжать делать это и далее. А лекция позволила мне сесть и действительно задуматься над тем, что за всем этим стоит. Изменят ли мои соображения точку зрения других людей — не знаю. Лично я ощущаю обязанность заботиться о том, чтобы песни продолжали жить и чтобы на свете рождались новые песни и новые истории. И я чувствую, что работаю внутри определенной традиции.

Не попадался ли вам какой-нибудь современный международный хит, который отвечал бы вашему пониманию настоящей песни о любви? Большой хит? Как насчет песни OutKast «Hey Ho», или как там она называется? (Смеется.) Вот вам хорошая песня.

А вообще какую музыку вы слушаете? Ну, я слушаю много разной музыки. Госпел, блюз, фолк, джаз, классическая музыка... и даже кое-что из рока.

Были ли какие-нибудь открытия в музыке этого года?

В современной музыке? Я не тот, кого стоит спрашивать об этом. Не особенно много я знаю о сегодняшней музыке и никогда раньше современной музыкой не интересовался. Я всегда находился под влиянием людей, которые уже умерли или же старше меня, и никогда по-настоящему не интересовался своими современниками, за исключением нескольких примечательных личностей: Шэйн Макгоэн, Бонни Принс Билли... Но интереса к музыке более молодых поколений я никогда не испытывал. Меня привлекала музыка, с которой я чувствовал родство: Нина Симон, Джон Колтрейн, Майлз Дэйвис, Боб Дилан, Вэн Моррисон, Леонард Коэн.

Кстати, о Коэне. Его день рождения буквально за день до вашего. Да? Я не знал этого. Интересно.

Нравится ли вам такое совпадение? (Смеется.) Ну, получается, что он под другим знаком зодиака. Но это меня особенно не интересует. Интересно другое — то, что ему семьдесят лет, и он записывает новую пластинку.

А как насчет вашего дня рождения? Ведь вы отмечаете его в Москве. Это было специально запланировано или это просто совпадение?

Было ли совпадением то, что я родился 22 сентября? (Смеется.) Это было специально запланировано! А что касается приезда в Москву в день моего рождения, то это действительно совпадение. Мне хотелось бы сказать, что это преднамеренный шаг, — но это было бы неправдой. На самом деле, я даже не знал, что будет мой день рождения, вот что.

Но для наших слушателей в этом есть что-то особенное.

Дело в том, что маленькая группа, с которой мы приезжаем в Россию, — вот она-то и есть нечто особенное. Она не похожа на Bad Seeds. Нас всего четверо, и поэтому мы можем поехать куда захотим. Это не то что огромный тур Bad Seeds, который требует много усилий и подготовки. Нас четверо, и мы мобильны, можем просто выбирать, куда поехать в любое время, понимаете? Маленькая группа никак не связана с обязанностью раскручивать альбомы и всем подобным. Просто, когда у нас есть какое-то свободное время и при этом хочется попутешествовать, я звоню Уоррену и говорю: «Не хочешь ли поехать в... Россию?» И он говорит: «О, клевое». И мы едем. Эта маленькая группа играет только в тех странах, в которых мы действительно хотим выступать. Это совсем не так, как с Bad Seeds. Когда Bad Seeds приходится отправляться в американский тур или европейский... Это большой механизм. Не такой огромный, конечно, как у Брюса Спрингстина, но внушительный. А мои соло-выступления — они более скромные.

газета

мечта Ника

Ник Кейв родился в 1957 году в австралийском городе Уорракнейбил в интеллигентной англиканской семье: мать работала библиотекарем, отец преподавал английский язык и математику. Именно он привил Кейву страсть к литературе, и Ник стал одержим сочинительством. В конце 1970-х он присоединяется к местному панк-движению. К началу 1980-х Кейв уже культовая фигура мирового масштаба, лидер знаменитой пост-панк-команды Birthday Party. Переселившись в Берлин, он собирает коллектив Bad Seeds, с которым выступает и по сей день. Среди лучших альбомов: «From Her To Eternity» (1984), «Your Funeral... My Trial» (1986), «Henry's Dream» (1992), «Let Love In» (1994), «Murder Ballads» (1995), «Boatman's Call» (1997). Кейв также пишет прозу, киносценарии, иногда снимается в кино.

“меня пугает длительное бездействие”

Ник Кейв — Газете

Ник Кейв: «Если я прервусь на год, то не знаю, смогу ли вообще начать сочинять»